

РЕЦЕНЗИИ И КОММЕНТАРИИ

Д. Н. Старостин

**РЕЦЕНЗИЯ НА: RELIGIOUS FRANKS. RELIGION
AND POWER IN THE FRANKISH KINGDOMS: STUDIES
IN HONOUR OF MAYKE DE JONG / ED. BY R. MEENS,
D. VAN ESPELO, C. VAN RHIJN. MANCHESTER, 2016**

Сборник статей, посвященный юбилею известной специалистки по истории религиозности и церкви каролингской эпохи М. де Йонг, всегда является событием, как и любая ее публикация. В большом количестве очень тонко построенных работ эта исследовательница затронула важнейшие вопросы истории христианства в каролингскую эпоху, причем ее подход всегда отличался способностью увидеть и развить очень важные, но подчас незаметные с первого взгляда аспекты развития религиозности и церкви. Например, в своем исследовании «The Penitential State. Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious» (Cambridge UP, 2009) она подметила огромное значение покаяния как формообразующего аспекта каролингского образа власти, опираясь на пример Людовика Благочестивого и ряда других исторических личностей. В настоящем сборнике представлены как известные исследователи, так и ряд новых лиц. Но стоит отметить, что каждая из статей построена ровно по тем же методологическим принципам, что и работы М. де Йонг, потому что в каждой из работ этого сборника прослеживается значимость религиозных воззрений на формирование представлений о власти. Более того, смысл методологии М. де Йонг и тех, кто принял участие в этом сборнике, состоит в том, чтобы не просто разделять или объединять светские и церковные представления, а чтобы видеть в религиозных представлениях

© Д. Н. Старостин, 2017

сложную систему ценностей, которая может лежать в основе сообществ без привлечения какого-либо светского этоса власти потому, что она основана на ветхозаветной системе ценностей, включающей в себя тысячелетний опыт обществ Ближнего Востока и Средиземноморья.

В обзоре такого рода сложно описать основные идеи и аргументацию каждого из авторов. Поэтому по ряду статей мы ограничимся кратким описанием ее задач и тем. Однако в сборнике такого рода стоит отметить очень интересную логическую структуру, которая возникает благодаря подборке тем исследования вокруг общих сюжетов. В сборнике пять частей: 1) «Религиозный дискурс и политическая полемика»; 2) «Королевская власть в действии — *correctio*»; 3) «Монастыри как центры власти и культуры»; 4) «Сильные епископы»; 5) «Франки и Рим». В каждой из частей статьи, хотя и написаны по поводу конкретных сюжетов, представляют собой анализ какого-то важного аспекта каролингской религиозности.

Сборник начинается со статьи, которая очень логично становится на первое место и задает тон методологии всех исследований (*Heydemann, G., Pohl, W.* «The Rhetoric of Election: 1 Peter 2.9 and the Franks»). Для иллюстрации тем и методологии авторов статей сборника можно для примера разобрать более детально эту и ряд других статей, оставив для остальных только перечисление. Эта статья посвящена идее избранности в каролингском обществе в контексте религиозной культуры и всех ассоциаций, которые в христианстве имеют отношение к теме избранности, что безусловно имеет отношение как к саморепрезентации людей этого периода, так и к вопросам особенности и уникальности этого периода, который обычно задают историки. Иными словами, можно ли говорить о каролингском периоде как об уникальном, если люди этого периода сами могли и не воспринимать себя как избранные? Это самая серьезная проблема изучения истории каролингского периода. Авторы статьи обращают внимание на интерпретацию пассажа из первого послания Петра (2, 9), которая как раз посвящена вопросам избранности. Этот отрывок актуален для каролингского периода, потому что начиная с Беды Достопочтенного к нему обращались различные авторы. В этом

стихе церковь, немного парадоксальным для христианства образом, уподоблялась народу и роду. Парадоксальность заключается в том, что основной пафос христианства состоял в привлечении в религиозное сообщество всех, вне зависимости от происхождения. Этот пассаж изначально вызвал противоречия у христианских экзегетов и мыслителей, потому что в условиях поздней Античности христианские сообщества, несмотря на то, что христианство стало официальной религией, постоянно колебались между необходимостью влиться в общество Римской империи и обособиться от нее. Таким образом, христианские экзегеты постоянно колебались между чувством уверенности в единстве христианского сообщества как части империи и чувством обособленности и избранности. В 441 г. папа Лев I обратился к этому пассажи, чтобы совместить в своем письме к жителям Рима как чувство избранности, так и чувство нахождения в рамках Римской империи в целом. Основа для представления об избранности виделась им в особом статусе апостола Петра, но одновременно город Рим виделся не только как христианская *civitas*, но и как священный *gens* и избранный *populus*. В равной степени франки для Алкуина были избранным народом не просто по причине их происхождения и места среди других народов, а только по причине их обращения в христианство. Состояние избранности стало для Алкуина поводом для моральной оценки и предупреждения франков об опасности потерять это избранный статус. Таким образом, современники не абсолютизировали избранный статус живших в Каролингской империи, а, наоборот, видели их обращение в христианство как большое бремя, которое не давало им возможности хоть на секунду оставить свою ответственность как избранного народа, способствовавшего созданию христианской империи. То же самое было для Рабана Мавра. Он использовал этот текст, чтобы рассматривать ситуации, в которых намечалось противостояние между *regnum* и *ecclesia*. Таким образом, в этой статье, поставленной редакторами первой, задается главная тема новых исследований, а именно тема переоценки каролингских представлений о власти (и в особенности о взаимоотношениях между светской властью и церковью), а также тема хрупкости способов самоопределения

социума в этот период. Каролингские представления о власти, как показывает исследование, были не способом самоопределения, а, скорее, способом моральной оценки общества со стороны образованных слоев, приближенных к Карлу Великому. Более того, в статье подчеркивается принципиальная неопределенность в оценке эпохи, которая была характерна для всего правления Каролингов, причем эта принципиальная неопределенность шла от неопределенности самого понятия «сообщества» в раннем Средневековье и, в частности, в королевстве франков в правление Каролингов. Отчасти эта неопределенность шла от проблем в коммуникации между властью и подданными, которая не была специфична только для каролингской эпохи, но которая именно на примере этой эпохи очень сильно видна в силу масштабности переориентации от Средиземноморья на север в силу прихода ислама. Поэтому главной идеей этого сборника статей является попытка заново посмотреть на ряд терминов, которые стали общеупотребительными в отношении каролингского периода, но которые, возможно, нуждаются в переопределении. В случае первой статьи показывается, что современники Карла Великого могли воспринимать свое время по-разному — как время достижений и своей избранности или, наоборот, как обычный период, избранность которого видели только внезапно получившие особое и привилегированное положение при дворе образованные представители церкви.

Статья Р. Крамера (*R. Kramer*) рассказывает об отношении к адопционизму при дворе Карла Великого (*Adopt, Adapt and Improve: Dealing with the Adoptionist Controversy at the Court of Charlemagne*). Но важен здесь вовсе не вопрос этой теологической концепции, потому что на примере отношения к адопционизму мы можем понять роль Каролингов в качестве посредников в религиозных спорах. Отмечается, что на примере отношения к религиозным дебатам Карл Великий хотел подчеркнуть свою особенность по отношению даже к идеалу христианского правителя, которым являлся образ Константина Великого. Этой особенностью он считал то, что все решения в отношении религиозных догматов он, в отличие от принявшего христианство императора, принимал коллегиально. Более того, в статье показывается, что отношение к серьезным догматическим дебатам воспринималось Карлом Великими и его

окружением как постоянная проверка на соответствие образу империи. Таким образом, в представлениях о власти не было ничего установившегося и декларативного, а, наоборот, каждое положение было способом проверить соответствие заявленных идеалов действительности, причем даже для самого Карла Великого.

В статье Я. Раймакерс (*J. Raaijmakers*) и И. ван Ренсвауде (*I. van Renswoude*) рассматривается важнейшая и весьма проблемная роль правителей, претендовавших на функции посредников в религиозных конфликтах (*The Ruler as Referee in Theological Debates: Reccared and Charlemagne*). Одной из характерных черт этой статьи, которая показывает ее новизну (что характерно для всех статей в этом сборнике), является то, что сюжеты каролингской эпохи рассматриваются в компаративистском ключе и в целом время Каролингов рассматривается как часть раннего Средневековья, а не как принципиально новая эпоха. Карл Великий сравнивается в этом случае с Реккаредом. Авторы подмечают, что в течение двух первых десятилетий Карл Великий не имел ничего в своем образе, что говорило бы о его роли как посредника в религиозных спорах. После собора в Аахене в 794 г. эта роль стала постепенно проявляться, но ее появление не было связано ни с влиянием папства, ни с какими-либо другими внешними событиями.

Известный своими работами И. Вуд (*I. Wood*) рассматривает проблему реформы в церкви Меровингов (*Reform and the Merovingian Church*). В традициях своих ранних работ исследователь показывает, что уже в меровингский период попытки реформирования церковной жизни предпринимались постоянно. Таким образом, каролингский период не был уникальным в области отношения к церкви, потому что попытки улучшения структуры церкви были постоянными.

М. Мостерт (*M. Mostert*) поднимает важную тему ошибок в *Admonitio generalis* («...but they pray badly using corrected books»: *Errors in the Early Carolingian Copies of the Admonitio generalis*). Э. Роз (*E. Rose*) рассматривает тему улучшения текста в традициях молитвы в королевстве франков (*Emendatio and Effectus in Frankish Prayer Traditions*). Статьи такого рода лишний раз показывают, что для каролингского периода было характерно постоянное стремление к самоулучшению, что, на мой взгляд, говорит об отсутствии

чувства самолюбования и триумфа по поводу достижений империи Карла Великого. На самом деле, все более представляется, что люди этого периода жили в состоянии, которое постоянно требовало от них подтверждения своего статуса. Это было показателем успеха, с одной стороны, и показателем нестабильности, с другой, потому что любое достижение в области культуры и религиозности всегда было поводом подумать о соответствии высоким идеалам античной или средиземноморской христианской культуры. Это соответствие, как правило, было желаемым, а не реальным, и поэтому улучшение и стремление избавиться от элементарных ошибок держало образованные круги каролингского общества в постоянном напряжении.

И. Хен (*Y. Hen*) проводит крайне интересный сравнительный анализ, подчеркивая общность форм организации между каролингской Европой и другими культурами Евразии (*Alcuin, Seneca, and the Brahmins of India*). Этот подход позволяет задуматься о том, что многие формы каролингской самоорганизации образованных людей представляли собой традиционное общество и, таком образом, не были абсолютно уникальны. С другой стороны, в силу общего потепления климата и сдвига основных хозяйственных процессов на север в этом можно видеть распространение форм южной цивилизации на новые, более северные регионы.

В своей статье К. ван Рейн (*C. van Rhijn*) показывает, что контроль за выполнением образовательной программы, заданной *Adminitio generalis*, был крайне строгим и что этот капитулярий вовсе не был пустым декларативным заявлением («*Et hoc considerat episcopus, ut ipsi presbyteri non sint idiothae*». *Carolingian Local Correctio and an Unknown Priests' Exam from the Early Ninth Century*). Само наличие хоть одной рукописи с экзаменом для священников говорит о том, что их могло быть больше, а в результате это говорит о том, что заявленное в капитулярии действительно реализовывалось на местах. Находки документов подобного рода значительно расширяют наши представления о масштабе Каролингских реформ в области образования и религиозной культуры, а утверждения о росте образованности и знания христианской догматики в этот период могут более не считаться декларативными и голословными.

Вопрос о том, что представляла из себя религиозная культура Каролингской эпохи, рассматривается в статье Р. Флирмана (*R. Flierman*) (*Religious Saxons: Paganism, Infidelity and Biblical Punishment in the Capitulatio de partibus Saxoniae*). Как подчеркивает автор, *Capitulare de partibus Saxoniae* был намного более жестким по отношению к завоеванным народам, чем другие его капитулярии подобного рода, в которых предписывалась христианизация, а не наказание за отход от христианства. Однако смысл этого капитулярия автор видит в том, что Карл Великий и его окружение рассматривали саксов как уже христианский народ, а любое отклонение от исповедания веры рассматривалось ими как измена христианству и лично королю франков, а не как отход от новой для них религии. Т. е. в данном случае, как и в других своих статьях, автор подчеркивает, что *fides* виделась правителю франков и его окружению не просто как христианская ценность, но и как способ создания сообщества вне собственно христианского контекста.

В статьях «An admonition too far? The sermon De cupiditate by Ambrose Autpertus» М. Дизенбергера (*M. Diesenberger*) и «Three Annotated Letter Manuscripts: Scholarly Practices of Religious Franks in the Margin Unveiled» М. Теувен (*M. Teeuwen*) рассматриваются вопросы образованной культуры, которые, с одной стороны, кажутся частными, а с другой стороны, показывают важные аспекты политической культуры. Значимость проповедей и подчас их рискованный характер, который мог и не соответствовать действиям власти и их окружению, рассматривается в первой статье. Пометы на полях рукописей всегда были интересной темой, и во второй статье показывается значимость комментариев образованных франков, что говорит об их заинтересованном и даже личном отношении к текстам.

В третьей части книги монастыри рассматриваются как центры культуры и образования. В статье А. Дима (*A. Diem*) исследуется вопрос о распространении и следовании уставу св. Бенедикта в каролингской Европе (*The Carolingians and the Regula Benedicti*). Этот исследователь показал в ряде работ, как активно переписывались рукописи с уставом св. Бенедикта, и в данной статье он поддерживает свою точку зрения. Более того, из его статьи можно сделать вывод, что отношение к даже

самым «священным» текстам в каролингскую эпоху всегда было отношением крайне «творческим», потому что в эту эпоху люди очень тонко чувствовали необходимость адаптации любых, даже самых критически важных правил или уставов к условиям каролингской Европы. Уже в эпоху распространения монашества при Колумбане началось слияние устава св. Бенедикта, св. Цезария и устава ирландских монахов. Таким образом, бенедиктинский устав в каролингской Европе был результатом сложения ряда тенденций, и, хотя его введение было обязательным условием развития монашества в этот период, сам по себе этот устав был уже модифицирован по сравнению с его более ранними версиями.

В статье, посвященной монастырю Райхенау, Р. Ле Жан (*R. Le Jan*) напоминает, что любое монашеское сообщество существовало в тесном контакте со своими соседями и что отношения с ними строились весьма сложными процессам переговоров и поиска согласия (*Reichenau and its amici viventes: Competition and Cooperation?*). О том же говорит в своей статье С. Медер (*S. Meeder*) («Monte Cassino and Carolingian Politics around 800»). Интересный ракурс на положение монастырей нашли Э. Госман (*E. Goosmann*) и Р. Менс (*R. Meens*) («A Mirror of Princes who Opted out. Regino of Prum and Royal Monastic Conversion»). Они рассматривают сочинения Регинона Прюмского, посвященные монастырям, как описание прежде всего тех представителей королевской семьи, которые выбрали уединение в монастыре как свой образ жизни. Это очень интересный ракурс на смысл существования монастырей и их знатных патронов. По сути, монашеские сообщества были группами людей, активным образом отказавшихся от любого участия в политике и во власти. Но возникает вопрос, не превратились ли они в группы людей, «оппозиционно» настроенных по отношению к власти? В каком-то смысле сам по себе уход из власти говорит об очень глубоком сознательном выборе. С другой стороны, исследования устройства королевства франков показали, что в нем не было очень явно выраженных оппозиционных групп. Значит, дело было в другом. Поэтому эта статья обращает внимание на то, что одновременно с миром власти существовал мир тех, кто мог однажды выбрать вхождение во власть, но кто предпочел обратиться к совершенно другой жизни.

В четвертой части собраны статьи, посвященные роли епископата в жизни каролингского общества. Проблема поставлена как сила или слабость епископата перед лицом вызовов от светской власти: «Merovingian Gospel Readings in Northumbria: The Legacy of Wilfrid?» (*D. Ganz*); «Bishops in the Mirror. From Self-Representation to Episcopal Model: The Case of the Eloquent Bishops, Ambrose of Milan and Gregory the Great» (*G. Vocino*); «Charlemagne and the Bishops» (*J. Nelson*); «The Penance of Attigny (822) and the Leadership of the Bishops in Amending the Carolingian Society» (*P. Depreux*); «From Justinian to Louis the Pious: Inalienability of Church Property and the Sovereignty of a Ruler in the Ninth Century» (*S. Patzold and S. Esders*); «Incest, Penance and a Murdered Bishop: The Legend of Frederic of Utrecht» (*B. van den Hoven van Genderen*). В статьях ставится вопрос о значимости и реальной власти епископата в обществе каролингской Европы, и показаны как сложности, так и успехи епископата. Ф. Депрё показывает значимость епископата для привнесения в жизнь франкского общества результатов покаяния Людовика Благочестивого в Аттиньи в 822 г. Его точка зрения состоит в том, что именно епископат стремился воспользоваться этим унижением власти, хотя он рассматривает это как попытку епископата исправлять франкское общество. В статье Дж. Вочино рассматривается образ красноречивого епископа, могущего защитить себя речью. Таким образом, в статье показывается, что ко времени правления Каролингов в западном христианстве сформировался ряд требований к прелатам, которого не было ранее. Т. е. чтобы соответствовать званию епископа, надо было быть хорошо подготовленным для убедительного произнесения публичной речи. В этом можно заметить интересный аспект слияния воедино чисто религиозных и светских функций. В пятой части рассматривается традиционный вопрос франкской истории, вопрос о взаимоотношении королевства франков и Рима. «Pippin III and the Sandals of Christ. The Making and Unmaking of an Early Medieval Relic» (*J. Smith*); «Rulers, Popes and Bishops: The Historical Context of the Ninth-Century Cologne Codex Carolinus Manuscript (Codex Vindobonensis 449)» (*Do. van Espelo*); «Pope Nicholas I and the Franks: Politics and Ecclesiology in the Ninth Century» (*T. Noble*).

Сборник представляет собой крайне интересную подборку статей, которые рассматривают практически все аспекты каролингской христианской культуры и показывают способы ее динамического формирования.

Информация о статье

Старостин, Д. Н. Рецензия на: *Religious Franks. Religion and Power in the Frankish Kingdoms: Studies in Honour of Mayke de Jong* / Ed. by R. Meens, D. van Espelo, C. van Rhijn. Manchester, 2016, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2017. Вып. 3 (2). С. 164–74.

Дмитрий Николаевич Старостин, к. и. н., старший преподаватель кафедры истории Средних веков, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5)

d.starostin@spbu.ru

УДК 17.022

В рецензии рассматривается содержание сборника статей *Religious Franks. Religion and Power in the Frankish Kingdoms: Studies in Honour of Mayke de Jong* / Ed. by R. Meens, D. van Espelo, C. van Rhijn. Manchester: Manchester University Press, 2016. Показываются новые подходы к проблемам истории королевства франков в правление династии Каролингов, в частности общее для всех статей представление об очень сильной нестабильности как в структурах церкви и власти, так и в представлениях о них.

Ключевые слова: Королевство франков, Каролингская династия, церковь

Information on the article

Starostin, D. N. Retsenziya na: *Religious Franks. Religion and Power in the Frankish Kingdoms: Studies in Honour of Mayke de Jong* / Ed. by R. Meens, D. van Espelo, C. van Rhijn. Manchester, 2016 [Review on: *Religious Franks. Religion and Power in the Frankish Kingdoms: Studies in Honour of Mayke de Jong* / Ed. by R. Meens, D. van Espelo, C. van Rhijn. Manchester, 2016], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*. 2017. Vol. 3 (2). P. 164–74.

Dmitriy Nikolaevich Starostin, PhD in History, senior lecturer of Medieval History, Institute of History, St. Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Mendeleevskaya linia, 5)

d.starostin@spbu.ru

The review article discusses the contents of the collection of articles *Religious Franks. Religion and Power in the Frankish Kingdoms: Studies in honour of Mayke de Jong / Meens, R.; van Espelo, D.; van Rhijn, C. (Eds.)*. Manchester: Manchester University Press, 2016. In it the new approaches to the history of the Frankish Kingdom during the rule of the Carolingians are shown. In particular, the review highlights the common points in all articles, which suggest that the structures of power and the images of power were quite unstable in the Carolingian period and that they formed dynamically.

Key words: Frankish Kingdom, the Carolingian dynasty, church